

ОТ РЕДАКТОРА

В проведенном опросе приняли участие 45 этнографов и антропологов из 21 научного и образовательного центра. Участники относятся к разным исследовательским традициям и поколениям, занимают разное положение и, соответственно, придерживаются различных взглядов на поставленные вопросы. Вместе с тем в ответах на вопросы, сформулированные редколлегией «Антропологического форума», проявилась общая озабоченность состоянием нашей области знания и статусом этнографа/антрополога в науке и обществе. Поэтому имеет смысл комментировать высказанные соображения не по заданным вопросам, а по тем сюжетам, которые постоянно возникали в ответах на разные вопросы.

Кто мы такие?

Этот вопрос так или иначе присутствует во всех ответах. Действительно, согласия нет уже в том, как себя называть. Этнографы?

Этнологи? Антропологи? Ни одно из этих названий (по разным причинам) не устраивает всех. Уточнения вроде «физические», «культурные» или «социальные» антропологи искусственны и нежизнеспособны. А ведь есть еще те, кто занимается лингвистической, политической, философской антропологией. Всех не перечислить. Складывается впечатление, что стало модным называть себя антропологом вне зависимости от того, чем ты конкретно занимаешься, лишь бы эти занятия были как-то связаны с изучением человека. А поскольку к изучению человека можно привязать все что угодно, получаем то, что имеем: множество всевозможных «антропологий». Как верно подмечено в одном из ответов (В.А. Попов), слово «антрополог» утрачивает свое терминологическое значение и становится синонимом гуманитария. Неразбериха существует даже на уровне дисциплинарной принадлежности. Сейчас этнография и этнология числятся по ведомству истории, а антропология разорвана между историческими и общественными науками.

За этим хаосом определений скрываются размытая идентичность и крайне неопределенные представления о предметной области науки. Впору говорить о серьезном кризисе не только этнографии или антропологии, но и всех гуманитарных (если угодно — антропологических) наук. Разумеется, каждый из нас (в зависимости от ситуации) выбирает нужный вариант, но сама необходимость выбора говорит о том, что наше самоощущение, по меньшей мере неоднозначно. И даже в том случае, если кто-то называет себя всегда, например, этнографом, возникает вопрос о том, как он строит свои отношения с теми, кто считает себя этнологами или антропологами. Этот вопрос можно сформулировать иначе: что нас всех объединяет? Ответ как будто очевиден: принадлежность к одной профессиональной культуре, одной области научного знания. Но говорить о единстве в понимании того, что представляет собой эта область, не приходится.

О кризисе профессиональной идентичности прямо или косвенно говорится во многих ответах¹. Понятно, что это ощущение основывается, прежде всего, на том, что не снижается, а растет степень неопределенности представлений о предметной области этой науки (назовем ее условно этнографией). С этой точки зрения, «Реквием по этносу» — это еще и реквием по многим этнографам, продолжающим традиции советской науки. Поворот к изучению современности оказался для них

¹ См. ответы Э.Л. Львовой. Само слово *кризис* является в ответах одним из наиболее частотных при описании сегодняшней ситуации, и о нем еще будет идти речь.

последним на пути к полной растерянности. Между тем, пока мы разбирались с этносом и традиционной культурой, оказалось, что поле изучения современной культуры (которое можно было бы назвать антропологическим) усердно осваивается нашими соседями — социологами и культурологами разного происхождения. И даже собственно этническая проблематика (включая изучение этничности, национализма, ксенофобии и под.) разрабатывается не столько этнографами, сколько политологами и «специалистами по федерализму».

Закономерным итогом задержки в развитии стала неостребованность этнографических исследований со стороны государства и общества. Не случайно в ответах постоянно звучит мотив ощущения собственной ненужности. Эта ненужность особенно тяжело переживается представителями старшего поколения, которые с ностальгией вспоминают, с какой заинтересованностью относилась прежняя власть к этнографам, выполнявшим грандиозный государственный заказ под названием «советская национальная политика». Ощущение бесполезности усугубляется нищенскими условиями существования тех, кто не сумел овладеть «искусством» получения грантов и не имеет отношения к так называемым прикладным исследованиям.

Показательно, что эта неостребованность беспокоит многих гораздо больше, чем задача интеграции в мировую науку. Судя по ответам, в отношениях с мировым научным сообществом все еще присутствует дух конфронтации. Некоторые всерьез полагают, что российская научная традиция столь велика, что «проживем и без них», или демонстрируют свое безразличие, как это делает, например, А.М. Решетов: *«Откровенно говоря, меня не особенно волнует вопрос, в какой мере результаты исследований российских этнографов учитываются западными коллегами (и вообще известны им). Это, я думаю, прежде всего их проблемы»*¹. Но сейчас уже немало и тех, кто считает, что это как раз не «их», а наши проблемы. Российских этнографов и антропологов не может не беспокоить, как воспринимается национальная научная традиция мировым научным сообще-

¹ И далее: *«Я что-то не припомню, никогда не видел и не слышал, чтобы западные ученые были озабочены тем, в какой мере их работы знают где-то за рубежом, в том числе и в России»*. По мнению «западных ученых», это утверждение не соответствует действительности. Их озабоченность носит не только индивидуальный, но и официальный характер. Например, в британских университетах кафедра может получить при государственной аттестации высшую оценку только в том случае, если исследования ее преподавателей имеют международное признание ('internationally recognised'). Если кафедра не получает такой оценки, снижается уровень поддержки от государства и в конечном итоге университетские власти могут ее закрыть. Пользуясь случаем выразить свою благодарность проф. К. Келли (Оксфорд) за эти и другие комментарии к данному тексту.

ством, что о ней известно и как она представлена в международных изданиях и форумах. С.А. Ушакин: *«Судя по публикациям в международных (прежде всего англоязычных) антропологических журналах, российской этнографии/антропологии фактически не существует. Сходным образом дело обстоит и с конференциями. В США, например, сегодня сложилось два крупных форума, на которых российская антропология потенциально могла бы быть представлена, но фактически отсутствует. Один из них — это ежегодный конгресс Американской антропологической ассоциации, второй — ежегодный симпозиум сети постсоциалистических исследований культуры «Союз». Понятно, что финансовая и языковая проблемы являются зачастую существенным препятствием. Но без преодоления этих препятствий российская антропология вряд ли может претендовать на свое место в мировом научном сообществе».*

Что касается нашего знания зарубежной антропологии, то отмечаемые всеми известные причины (языковая проблема и отсутствие книг в библиотеках) остаются главными препятствиями, которые лишь частично компенсируются переводами, личными контактами, а также теми возможностями, которые предоставляет Интернет. Это происходит на фоне существенного увеличения количества зарубежных публикаций, представляющих первостепенный интерес именно для антропологов, поскольку Cultural Studies — одно из наиболее популярных направлений западной науки, особенно среди молодых исследователей.

Разумеется, зарубежные специалисты стараются учесть наши работы (в первую очередь те, кто занимается российской проблематикой), но сделать это весьма непросто, даже находясь в России, по причине отсутствия систематической информации о новых публикациях и конференциях. Кроме того, языковые проблемы существуют не только у нас. Хорошо известно, что на Западе закрываются программы преподавания русского языка и кафедры славистики. Во многих больших университетах, особенно в США, сейчас преподают русскую литературу в переводе, а русскую историю изучают по англоязычным источникам. Исследования России (и шире — постсоветского пространства) утратили прежнюю актуальность. Раздаются голоса, что лет через десять могут исчезнуть и переводчики, умеющие профессионально работать с русским научным текстом. Кроме того, все университеты ищут способы сокращения затрат на приобретение книг, и на этом фоне резкое подорожание книг на русском языке до предела усложняет ситуацию.

Те немногие, кто считает, что мы серьезно отстаем от мировой

науки, видят одну из основных причин отставания в низком уровне этнографического образования. Перспективы должны скорее ободрять: исчезла безальтернативность прошлой системы образования, расширились международные контакты. В лучших российских учебных заведениях образование стало более разносторонним. Но в то же время общий контекст образования в условиях специфической рыночной экономики изменился явно к худшему. Вопросы этнографического образования беспокоят практически всех участников опроса, и это естественно. Дело здесь не только в заботе о тех, кто придет на смену (она реально присутствует), но и в том, что многие сотрудники академических, музейных и иных центров стали преподавателями (один из самых распространенных способов выживания). Утрата привычных ориентиров в сочетании с обрушившимся потоком переводной литературы и отечественных учебников крайне низкого качества произвела в сфере этнографического образования двойственный эффект. В одних случаях образовательные программы еще больше законсервировались, и учебные заведения продолжают тиражировать этнографов с упором на теорию этноса и традиционную культуру (что характерно для этнографических кафедр с давними традициями). В других (новых образовательных структурах) — выдают плохо переваренную «антропологическую кашу» из дурно усвоенной и не всегда удачно выбранной зарубежной литературы. Что из этого хуже — непонятно. Ясно лишь то, что вопросы образования должны стать предметом специальной озабоченности всех участников образовательного процесса (включая недавних выпускников этнографических и антропологических кафедр). В одном из ближайших номеров «Антропологического форума» состоится первая из серии дискуссий, посвященных этнографическому/антропологическому образованию.

Сопоставление с «мировым уровнем» незримо присутствует и в тех ответах, авторы которых испытывают чувство гордости за отечественную этнографию, и в тех, авторам которых неловко за наши устаревшие концепции и подходы. Что же составляет предмет гордости? Оказывается, далекое прошлое. Судя по ответам, золотой век этнографии ассоциируется прежде всего с такими именами, как Л.Я. Штернберг, В.Г. Богораз, С.М. Широкогоров, А.М. Золотарев и др. Показательно, что в этом наборе нет ни одного этнографа второй половины прошлого века, не говоря уже о дне сегодняшнем. Предметом гордости этнографов является и накопленный трудами многих поколений полевой материал, который продолжает собираться в настоящее время. Пожалуй, и все. Но и этого немало, во всяком случае, вполне достаточно для того, чтобы «настоящий

этнограф» (читай — полевик и последователь заветов перечисленных исследователей) чувствовал свое превосходство перед «теоретиком», чьи построения, с его точки зрения, эфемерны и с неизбежностью обречены на забвение. Впрочем, как «теоретики» не ощущают своей зависимости от результатов работы «полевиков», так и последние декларируют отсутствие особой нужды в теоретических разработках. Диалога не получается. Нет общих точек. Они появятся только тогда, когда и те и другие, пусть с разных сторон, но будут изучать одни и те же явления культуры. Пока «эмпирическое» и «теоретическое» направления существуют в разных пространствах.

Другое традиционное деление — на представителей центра и регионов — в последнее время лишь усилилось. Увеличивающаяся разница в доступе к информационным, организационным и финансовым ресурсам влечет многие последствия. Кроме усиления психологической напряженности, одно из самых заметных — дробление научного сообщества. Естественным образом возникают локальные группы этнографов, которые отчасти вынуждены вариться в собственном соку, отчасти сами предпочитают в нем пребывать. В этих группах формируются своя проблематика, свои авторитеты и стандарты исследования. В конце концов, они начинают ощущать себя вполне самостоятельными (нередко называют себя «школой», предпочитают ссылаться на «своих» и т.п.).

Не следует думать, что такие замкнутые образования возникают исключительно в регионах. Этнографические сообщества Москвы и Петербурга тоже неоднородны. Здесь помимо академических учреждений находятся многочисленные музеи, кафедры в университетах и отраслевых институтах. Отсутствие активного дискуссионного поля (а где оно существует?) неизбежно приводит к образованию групп, общение между которыми поддерживается лишь спорадическими личными контактами. Возникает то, что в российском Интернете получило название «Пермской науки». Как говорит автор этого понятия: *«no offense для города Перми! Пермская наука процветает в Москве, Петербурге и Новосибирске»*¹. То есть нечто неизбежно превращается в «Пермскую науку» в том случае, если не становится частью мировой науки. Уверен, что «Пермская наука» существует и на американском Среднем Западе и в центральной Англии. Явление это не только российское, но и вполне международное. Однако шансов остаться «Пермской наукой» в регионах гораздо больше, чем в столицах. Вот здесь бы и

¹ Н. Кириллов. О Пермской науке. www.researcher-at.ru/index.php?option=content&task=view&id=60&Itemid=58

проявить все свои организационные возможности Ассоциации российских этнографов и антропологов. Попытаться хотя бы в информационном плане снять различия между центрами и регионами. Существование Интернета и электронной почты значительно облегчает задачи. Журнал «Антропологический форум» готов всячески способствовать созданию общего дискуссионного пространства для российских и зарубежных исследователей. Уверен, что и другие этнографические (антропологические) издания не останутся в стороне.

Судя по ответам, к уже устоявшемуся делению на «полевиков» и «теоретиков», представителей столичной и региональной науки в последнее время добавилось еще деление на «романтиков» и «прагматиков». Под прагматиками, видимо, понимаются те, кто прилагает все свои усилия к обретению грантов и/или занимается так называемыми «прикладными» (т.е. заказными) работами, которые финансируются из разных источников. Те, кто не имеет доступа к таким источникам, считают себя романтиками и, наверное, имеют на это все основания. Строго говоря, разгул конъюнктурных «прикладных» работ (не могу назвать их исследованиями) характерен почти исключительно для Москвы и не представляет особой опасности для Петербурга и остальной провинции (впрочем, может быть, я ошибаюсь). Но ориентация части этнографов исключительно на активное зарабатывание денег с помощью заказных проектов не может не вызвать соответствующей реакции у остальных, и вот уже раздаются голоса из ближних и дальних этнографических центров о проникновении этой заразы и ее распространении среди молодого поколения этнографов. Конечно, каждый выбирает свой путь, но нередко случается и наоборот.

Итак, мы очень разные, и эта разница все больше увеличивается (что само по себе не так уж плохо, но только до той грани, за которой начинается распад). Вместе с тем мы в той или иной степени преданы своей профессии и переживаем за ее судьбу. У многих из нас сумбур в головах. Состояние малоприятное, но оно с необходимостью предшествует моментам просветления. Судя по ответам, мы еще не до конца осознали то обстоятельство, что нужно не столько менять ориентиры, сколько меняться самим.

Наша наука

Нет нужды много говорить о том, что и она видится по-разному. Для одних это этнография, для других — антропология со всеми сопутствующими этим терминам аллюзиями. Оценки состояния нашей науки тоже разные, но в самом языке

описания нередко присутствуют больничные ассоциации. Одни полагают, что кризис уже прошел и российская этнография на пути к выздоровлению. Другие говорят о нестабильном состоянии. Третьи — о том, что этнография все больше втягивается в кризис. Справедливости ради нужно сказать, что не во всех ответах содержится больничная метафорика. Есть мнение о том, что *«с точки зрения академических работ российская этнология выглядит более чем благополучно»* (В.А. Тишков).

Серьезный разговор о нашей науке неминуемо ведет к обсуждению ее предметной области. И здесь вновь возникает один из самых устойчивых мотивов этнографических размышлений — я бы условно назвал его мотивом «ограбленной науки». Оказывается, больше всех виноваты социологи. Они не только стали заниматься антропологическими сюжетами, но и присвоили себе фирменные этнографические (качественные) методы, а заодно и государственный образовательный стандарт по социальной антропологии¹. О политологах уже говорилось. Не прошли мимо и историки, увлекшись повседневностью, т.е. тем, что всегда в этнографии называлось бытом. Зарубежные исследователи используют добытые нами в поле факты, игнорируя наши концепции, а доморощенные культурологи берут все подряд.

Но коль скоро есть стремление отстоять свое поле, то должно быть согласие в том, что в него входит и где его границы. Этого нет. Одни (и их, наверное, большинство) продолжают заниматься этнической спецификой и традиционными этническими культурами, других потянуло на современность, третьи занимаются теорией, а четвертые не признают никакой теории. Есть и пятые, и шестые. В таком случае картина становится совсем непонятной. Мы говорим: «Не троньте наше!», но что такое наше, точно не знаем². Получается, что наше — это все, что связано с человеком: ведь неслучайно мы зовемся антропологами (в этом контексте и этнографу не грех назвать себя антропологом). В общем, за что боролись...

Каков выход? Снова на много лет увязнуть в дискуссиях об объекте и предмете для того, чтобы соорудить новые границы и перегородки? Мне кажется, что в сложившейся ситуации самое разумное, как сказано в ответе Н.Б. Вахтина, — прекратить

¹ В свою очередь социологов повергает в панику мысль о том, что стандарт по социальной антропологии может быть передан в отделение истории. Они считают (и, наверное, не без основания), что это стало бы катастрофой для развития этой специальности (П.В. Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова).

² Впрочем, это естественно. Фредерик Барт в своей известной работе об этнических группах и границах писал о том, что любому сообществу лучше удастся охранять свои границы, чем разбираться в том, что находится в их пределах.

играть в пограничников и таможенников. Постепенно должно прийти осознание того, что все мы (этнографы, антропологи всех изводов, археологи, историки, социологи, фольклористы, социолингвисты и др.) работаем в одном общем пространстве, которое обозначается такими ключевыми понятиями, как человек, социум и культура. Границы между нашими дисциплинами условные. В интересах каждого, чтобы они стали максимально прозрачными и проницаемыми. Нам нужно почаще навещать друг друга. Польза от этого будет несомненная.

Интересных и важных тем хватит с избытком. Причем чем более интенсивными будут междисциплинарные контакты, тем больше будет выявляться неисследованных сюжетов. Но если даже ограничиться привычными этнографическими темами, то окажется, например, что вся область трансформаций сегодняшней сельской культуры представляет собой сплошное белое пятно. И это несмотря на то, что именно в этой области сейчас происходят наиболее ощутимые перемены: сельское население стремительно превращается в «ущемленное меньшинство», что вызвано экономической и социальной депрессией, распадом даже той убогой инфраструктуры, которая существовала в недавнем прошлом, алкоголизмом, безработицей и т.д.). Антропологических исследований городской культуры тоже пока недостаточно, несмотря на то, что в этой области уже появились достойные работы российских этнографов. Откровенно не хватает профессионального отношения к исследованию ксенофобии, расизма и шовинизма. Этнографы и антропологи могут внести значительный вклад в изучение проблем социально ориентированной экологии. Перечислять можно долго.

Кстати, в одном из ответов, как мне кажется, вполне резонно ставится вопрос об ответственности этнографов за навязывание мифических представлений о «золотом веке» этнических культур, ассоциирующемся с традиционной культурой. *«Убежден, что трагедию коренных малочисленных народов 90-х гг. XX в. подготовили именно мы, этнографы. 10 лет их жизни бесславно потрачены на так называемое «возрождение», которое повсеместно было воспринято как возврат к столь милой для нас этнографической норме — традиционной культуре. Сегодня уже всем стало ясно, что «возрождение» не состоялось. И дело здесь не в том, что у государства не оказалось политической воли для такого возрождения. Дело в том, что оно вообще не могло состояться. Ибо нельзя войти в одну и ту же реку дважды»* (В.А. Тураев). Наверное, не все могут согласиться с этими утверждениями, но сама постановка проблемы ответственности этнографов за результаты своей деятельности представляется необходимой.

Может быть, самое главное сейчас — перестать ограничивать себя этнической тематикой. Сместить акценты с этно- на антропо- и почувствовать себя более свободными в выборе и формулировке исследовательских тем. Показательно, что существенная часть некоторых полученных ответов отведена указаниям на те сферы жизни, которые по разным причинам (а чаще всего просто в силу непривычности) обойдены вниманием этнографов. Приведу лишь один из таких «списков» исследовательских проблем, сформулированный С.А. Ушакиным: *«Российский опыт последнего десятилетия, на мой взгляд (социокультурного антрополога), может быть удивительно продуктивным для переосмысления целого ряда традиционных антропологических вопросов. Например, резкая смена форм экономической организации общества, радикальный переход к монетизации социальных процессов дают возможность по-новому взглянуть на роль, которую играют практики и формы обмена в жизни. Например, каковы социальные и символические последствия постсоветского бартера? Как отсутствие всеобщего эквивалента (в форме денег) в данном случае сказалось на восприятии людьми их социального окружения и постсоветского социального контекста в целом? В какой степени протест против монетизации льгот является отражением осознания собственной невключенности в процесс социальной циркуляции? Проблема перехода и переходной идентичности/субъективности может стать еще одной сферой нетривиального развития классической антропологической теории. Что происходит с «лиминальной» идентичностью в ситуации, когда «конечный пункт» перехода неизвестен? Коллапс Советского Союза дал возможность проследить и еще одну важную тенденцию: как происходит самоорганизация сообществ в условиях нормативного вакуума? По каким (символическим, социальным, психологическим и т.п.) осям выстраиваются новые социальные конфигурации? Подобные примеры можно множить. Но суть, в общем, очевидна: особенности сегодняшнего состояния российского общества интересны не столько своей уникальностью, сколько своей глубиной. Предельная «выпуклость» определенных тенденций (например, «социальное расслоение» или «коррупция»), соответственно, дает возможность четче понять как способы их символического оформления, так и степень их воздействия на способы организации жизни».* Получается, что мы не занимаемся именно тем, чего ждет от нас общество (о государстве говорить не буду, так как ожидания общества и государства у нас, как правило, не совпадают). И при этом сетуем на отсутствие внимания и заботы.

Между тем парадоксальность ситуации заключается как раз в том, что если раньше этнографические исследования нужны были государству, то сейчас в них заинтересовано, прежде

всего, общество. Это проявляется хотя бы в том, что в настоящее время антропологические исследования более известны широкой публике (разумеется, прежде всего — интеллигенции), чем в прошлом, так как они стали регулярно появляться в таких журналах, как НЛО или *Ab Imperio*, а монографии печатаются не только в академических издательствах, но и в издательствах широкого профиля.

Но не все так просто в выборе тематики и в направленности исследований. Может показаться, что стоит нам перейти к широкому исследованию современных форм культуры, и наша наука выдвинется на передовые позиции. В какой-то степени да (хотя бы сменит свой реликтовый имидж на что-то другое), но лишь в какой-то степени. Вряд ли стоит перегибать палку теперь в эту сторону. Я уверен, что, например, без исторических реконструкций этнография/антропология утратит свою глубину и основательность¹. И вообще, строго говоря, дело не в том, каким периодом и какой темой занимается исследователь, а в том, **как** он этим занимается. Самые неожиданные результаты могут быть получены при обращении к вполне тривиальным сюжетам, когда удастся по-новому посмотреть на привычные вещи. Именно такие исследования приводят к сдвигам в характере исследовательских практик, поскольку превращают знакомое в незнакомое. Они могут быть выполнены как на современном материале, так и на материале других эпох. Их эффект не зависит от диахронической приуроченности. Работы тех историков, которые были близки к «Анналам», посвящены главным образом Средневековью, но решительно изменили взгляды, вкусы и предпочтения нескольких поколений историков и антропологов, занимающихся Новым временем. Таких исследований всегда мало, но их и не может быть много. И определяющими здесь являются не синхрония и диахрония, и даже не постановка проблемы, а личность исследователя — то, на что у нас меньше всего обращается внимания². Между тем если у нас и есть в чем-то жестокий

¹ «Бракоразводный процесс» этнографии с историей является естественным следствием многолетнего диктата истории. Вместе с тем этот диктат дал свои результаты, которые не стоит рассматривать исключительно в негативном плане. Наверное, «со стороны» это видно особенно отчетливо. В дискуссии о современных тенденциях в антропологических исследованиях, проведенной журналом «Антропологический форум», Брюс Грант по этому поводу пишет: «Что бы ни думали об идеологических мотивах, советская академическая традиция придала истории такое фундаментальное значение для науки, к которому западная антропология подошла значительно позже <...>. Историзм в наши дни достиг своей наивысшей точки в британской, американской, немецкой и французской антропологии. Неужели российская наука сейчас склоняется к тому, чтобы отказаться от столь долго удерживаемых, наиболее сильных своих достижений?» (Антропологический форум. 2004. № 1. С. 41). Ср. там же комментарии С. Гал.

² Показательно, что лишь в одном ответе (М.А. Родионов) говорится о личности исследователя.

дефицит, то это дефицит исследователей, работы которых становятся ориентирами для других.

Когда слышишь или читаешь о том, как много у нас стало издаваться книг по нашей специальности, становится немного не по себе. Конечно, это хорошо, что отпала необходимость годами ждать выхода книги или статьи. Но ведь бурный рост печатной продукции происходит совсем не за счет хороших книг. Число последних по-прежнему стабильно невелико, зато многократно вырос поток наспех собранных сборников и безграмотных монографий. За два года, прошедших со времени предыдущего конгресса, опубликованы не десятки, а сотни книг по этнографии и антропологии, а многие ли упомянуты в ответах в качестве незаурядных? Единицы. Примерно такая же картина с конференциями. Их стало больше, и это хорошо, но количество действительно интересных, нужных и полезных конференций вряд ли увеличилось.

Вернусь к сюжету о невостребованности нашей науки. В ответе Г.А. Комаровой совершенно справедливо говорится о том, что прежние (советские) функции этнографии (идеологическая, престижная, познавательная) оказались ненужными в новом контексте. В имеющемся социальном заказе доминирует политическая составляющая, которая вызвала бурный рост этнополитологии и этнографической экспертизы. К этим направлениям можно относиться по-разному, и следует лишь сожалеть, что немногие работы в этой области выполнены на профессиональном уровне. Однако это пока единственный отчетливо сформулированный социальный заказ, и от того, как он выполняется, зависит формирование других заказов этнографам и антропологам. Разумеется, в обозримом будущем мы вряд ли можем надеяться на обретение статуса, аналогичного статусу антрополога в США, где это одна из распространенных и престижных профессий. Но к этому следует хотя бы стремиться.

Сообщество и Ассоциация

Так существует сообщество этнографов и антропологов или нет? Как и следовало ожидать, ответы на этот вопрос лежат в области самоощущений и решаются каждым индивидуально. Одни считают, что существует (и таких большинство), другие — что нет (их тоже немало), третьи — что его нет и быть не может (Ю.Е. Березкин). Понятно, что искусственно создать *сообщество*, тем более в такой стране, как Россия, весьма проблематично. Создать можно *действующую Ассоциацию* и тем самым организационно укрепить сообщество для тех, в представлениях которых оно существует. Формально Ассоци-

ация существует, но, по мнению некоторых участников опроса, она настолько хорошо законспирирована, что ее трудно обнаружить¹. Точнее, она сама обнаруживает себя, но только один раз в два года, когда подходит время проводить очередной конгресс. Естественно, что некоторые авторы ответов (А.М. Решетов, Д.Д. Тумаркин и др.) считают, что Ассоциация должна работать не только во время проведения конгрессов, но и между ними. Причем она должна работать как «корпоративный институт, который решал бы внутрикорпоративные проблемы с выходом на государство» (Л.В. Сагитова), т.е. стать посредником между нами и государственными структурами. Ассоциация, считают участники опроса, должна защищать наши корпоративные интересы и решать наши общие проблемы. Пока, по словам М.Г. Турова, «Ассоциация именно „существует“, но не перешла в разряд „инструмента“, подобного „Британской ассоциации“».

Видимо, руководству Ассоциации следовало бы для начала попытаться хотя бы для себя разобраться в тех вопросах, которые сформулировал исполнительный директор Ассоциации С.Н. Абашин: «Главное, на мой взгляд, нет единого понимания, что объединяет всех тех ученых, которые называют себя этнографами. Какие у них проблемы? Какие интересы? Как должна выработываться общая стратегия развития дисциплины? Как это общество может и должно влиять на своих членов и как оно может и должно взаимодействовать с остальным этнографическим миром?». Конечно, судя по полученным ответам, сделать это будет непросто, но вместе с тем «болевы точки» определены в них вполне отчетливо.

Действующей Ассоциации потребуется своего рода инвентаризация тем, проектов, да и самих членов (реализовать давний проект «Кто есть кто в российской этнологии»). Для того чтобы членство было осмысленным, предлагается ввести членские взносы. Ассоциация должна выполнять роль координационного и информационного центра (выпускать «Вестник» или «Бюллетень», иметь свой сайт, вести базу данных этнографических публикаций, авторефератов), организовывать летние школы по актуальным направлениям современной антропологии для молодых исследователей (Э.Б. Гучинова).

Давно назрела необходимость создания Кодекса моральных норм, которыми должен руководствоваться антрополог

¹ Ассоциация скрывается настолько успешно, что некоторые участники опроса, видимо, даже не подозревают о ее существовании и задаются вопросом о возможности, например, «возрождения РГО с его системой региональных сообществ, корреспондентов, постоянными печатными и виртуальными изданиями, перекрестными экспедициями и кросскультурными исследованиями?» (М.В. Ившина).

(В.А. Шнирельман). Собственно, любое сообщество нормально функционирует тогда, когда его члены руководствуются определенными правилами. В этой связи показательно, что сразу несколько участников опроса предлагают, например, ввести профессиональные премии за лучшие книги, статьи, учебники, лекции или за вклад в развитие той или иной области этнографии и антропологии. Как говорит один из авторов этих предложений, *«важным здесь, разумеется, является не поощрение конкретных людей (что, конечно, значимо само по себе, но это другой вопрос), а тот социальный эффект, который эти призы и премии способны произвести. „Открывая“ новые тенденции, имена, проблематику, профессиональные премии всякий раз дают своеобразный „срез“ интеллектуальной жизни дисциплины, позволяют определить „точки“ интереса. Кроме того, премии задают и определенную рамку профессионального поведения, формулируя определенный „канон“ исследования. Значимость таких премий во многом определяется желанием/стремлением профессионального сообщества определиться по поводу механизмов своей саморегуляции, т.е. механизмов формирования профессиональной иерархии, системы этических принципов, профессиональных табу и т.п.»* (С.А. Ушакин).

Конгресс

Конгресс — это не просто очень большая конференция. Здесь должны обсуждаться вопросы, которые так или иначе касаются всех членов сообщества. Делать конгресс тематическим — значит заведомо отсекал часть исследователей или ставить их в положение участников второго разряда. К тому же о теме конгресса говорится лишь на пленарных заседаниях. В секциях о ней не вспоминают. Формирование секций таким образом, как это делается сейчас (когда каждый, независимо от реального вклада в разработку соответствующей проблематики, может подать заявку на организацию «своей» секции), представляет собой парад амбиций. Видимо, секции должны формироваться не только по личным заявкам. Может быть, для того чтобы придать конгрессу характер дискуссионного пространства, имеет смысл проводить его в формате круглых столов и симпозиумов (В.А. Попов). Правда, опыт участия в так называемых круглых столах и симпозиумах показывает, что мы научились и их превращать в банальное зачитывание докладов (М.В. Станюкович).

Что касается содержательной стороны, в частности вопросов, которые должны обсуждаться на конгрессах, представляется уместным привести несколько соображений участников опроса.

С.Н. Абашин: *«Мне представляется очень странным и одновременно симптоматичным, что на конгрессах этнографов и антропологов не обсуждают такие вопросы, как профессиональная этика, отношения науки и власти, переосмысление советского опыта, борьба с ксенофобией, соотношение науки и идеологий и т.д.».*

В.А. Шнирельман: *«Мне кажется, конгрессы нужны, во-первых, для того, чтобы обсуждать новые теоретические подходы, способствующие более глубокому осознанию получаемых нами материалов, независимо от нашей региональной специализации. Во-вторых, как площадка для обмена опытом, что особенно важно для молодежи, получающей уникальную возможность услышать выдающихся ученых и даже завязать с ними контакты (на конгрессах западных антропологов принято приглашать таких ученых для выступления со специальной лекцией). В-третьих, на конгрессах должны обсуждаться важные для всех морально-этические проблемы: как собирать и как публиковать данные, не ущемляя прав и не ставя под удар своих информаторов, как отвечать вызовам шовинизма и расизма, как относиться к коллегам, симпатизирующим шовинизму и расизму».*

В.А. Тураев: *«На конгрессах следует обсуждать наиболее актуальные, злободневные проблемы, представляющие интерес не только для этнографического сообщества. Конгрессы должны быть не просто научным мероприятием, а событием общественной жизни всей страны. Резолюции, обращения и т.п. документы, принятые конгрессом, должны способствовать решению каких-то действительно болезненных проблем в общественном развитии, должны учитываться властью, получать практический выход. Таких проблем великое множество: ксенофобия, расплывающаяся по России как раковая опухоль, состояние русского этноса, судьба коренных малочисленных народов в современных условиях, проблемы этнических меньшинств, ситуация на Северном Кавказе, место и роль этнологии (антропологии) в становлении гражданского общества в России и т.п.».*

Как видим, разумных предложений много (а ведь это только небольшая часть). Будут ли они обсуждаться? Хочется думать, что обсуждение уже началось.

В заключение хотелось бы от имени редколлегии журнала «Антропологический форум» поблагодарить всех, кто откликнулся на наш призыв и ответил на предложенные вопросы.

Альберт Байбурун